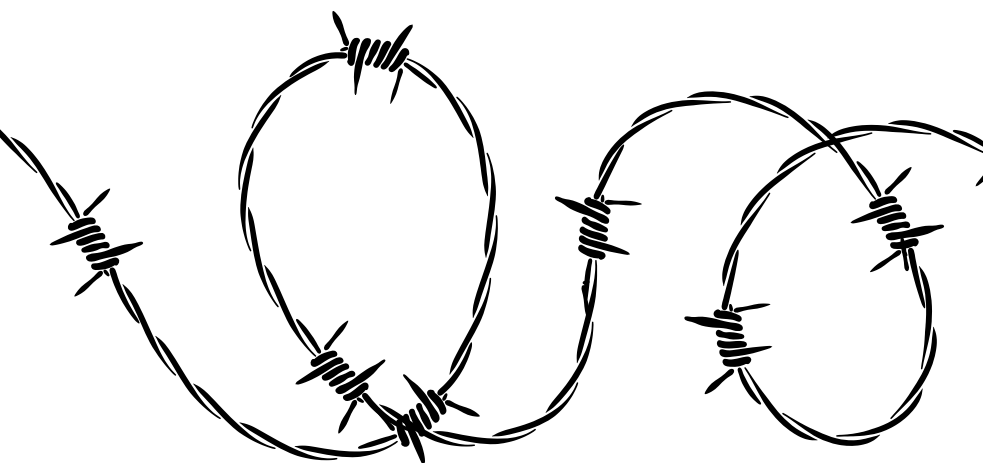

Анна Стюарт

АКУШЕРКА
из БЕРЛИНА

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44
С88

Anna Stuart
THE MIDWIFE OF BERLIN
Copyright © Anna Stuart, 2023

Стюарт, Анна.
С88 Акушерка из Берлина / Анна Стюарт. — Москва :
Эксмо, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-04-237672-6

1945 год. Война закончилась, но для Эстер Пастернак все только начинается. В Аушвице она родила дочь — светловолосую Пиппу, которую отдали немецкой семье. Эстер оставила на ребенке знак, который невозможно перепутать: под мышкой — тот же лагерный номер, что и у нее самой. Теперь среди развалин Берлина она идет по следу: сиротские приюты, больницы, списки — и лица детей, где ей мерещится родное.

1961 год. Спустя годы ожидания у Эстер появляется шанс приблизиться к правде. Но внезапно город разрезает Берлинская стена, и Восточный Берлин фактически «закрывают»: пройти можно только по спецпропускам, на границе — проверки, а любая связь с Западом становится поводом для преследований. Поиски превращаются в борьбу не только со временем, но и с системой, которая умеет разлучать навсегда.

Пронзительная и напряженная, «Акушерка из Берлина» — это история о семье, которую история разлучала снова и снова, и о любви, способной ждать дольше, чем длятся войны и стоят стены.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

© Голыбина И.Д., перевод на русский
язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-237672-6

*Посвящается Кейт, моему чудесному агенту –
без твоей мудрости, настойчивости,
понимания и поддержки я ничего бы не добилаь.*

*С благодарностью и любовью
от одной сильной женщины – другой.*

Пролог

*Аушвиц-Биркенау
Декабрь 1943 года*

ЭСТЕР

Это чудо. Каждый раз, когда она принимает роды, они кажутся ей волшебством, но только со своим собственным ребенком она понимает его суть. Как она могла произвести на свет этого идеального миниатюрного человечка? Как смогла вытолкнуть крошечное существо из своего исхудалого тела? Как производит молоко, поддерживающее жизнь ее дочери? И как, господи боже, сможет продолжать — в этом аду?

Ни один ребенок не должен находиться в лагере смерти; но ни одного ребенка нельзя отсюда забирать.

— Я должна ее спрятать, — повторяет она снова и снова, но им негде спрятаться среди голых деревянных нар.

В Аушвице нет ковров, нет подушек, нет кресел. У женщин здесь есть лишь полосатые робы: ни одного матраса, в котором было бы больше пригоршни соломы, и ни одного одеяла, достаточно теплого, чтобы согреть закооченные тела. Два дня Эстер удавалось поддерживать в своем ребенке

жизнь лишь благодаря щедрости других заключенных, деливших с ней пайками, которых не хватало даже им самим. Даже если ей удастся спрятать младенца в темных глубинах барака, смерти им все равно не избежать.

Она гладит пушистые волосики на головке Пиппы. Они светлые — и это тоже чудо. Нацистам нравятся светловолосые младенцы. Она знает, что они заберут ее ребенка и отдадут «надежной немецкой женщине». Тогда Пиппа останется жива. И будет в безопасности.

Но не с Эстер.

Что лучше — чтобы твой ребенок умер с тобой или жил без тебя?

Лагерь ставит перед людьми такие вот невозможные вопросы. Эстер столько раз наблюдала, как мучаются от них другие женщины, но теперь неизбежность острым кинжалом вонзается в ее еще пульсирующую матку. Да, Пиппа больше не в ней, но кровь дочери у Эстер в каждой клеточке тела, и когда ее заберут, эти клетки взорвутся.

А ее *заберут*. Эстер не спрятать Пиппу от всевидящего, всепроникающего ока нацистов, но одну вещь она все-таки может сделать.

— Я должна пометить ее.

Она тянется за иглой для татуировки. Татуировать еврейских младенцев запрещено, но Эстер может спрятать татуировку в подмышке Пиппы, в складочках кожи. Однажды, когда это мрачное безумие закончится, она отыщет свою дочь. Надежда призрачная, но она удерживает от окончатель-

ного распада, и Эстер сумеет пережить страшный момент, когда у нее отнимут ее бесценную новорожденную.

Она заносит иглу и начинает колоть. Глазки Пиппы широко распахиваются от шока, и она громко кричит, но потом замолкает и больше не протестует. Возможно, она слишком слаба, а может, каким-то образом понимает.

— Ничего, ничего, — утешает Эстер. — Я быстро. Это очень важно. Это значит, что ты только моя.

Но так ли это? Еще два дня она держит Пиппу на руках.

— Я люблю тебя, — повторяет Эстер снова и снова. — Люблю сейчас и буду любить вечно, и никогда не перестану искать тебя.

Пиппа моргает глазками, глядя на нее.

Но на четвертый день от дверей барака доносится крик:

— Машина! Едет машина.

Вот и они. Они явились. Боль от неминуемой потери пронизывает Эстер, и она прижимает дочку к груди и целует в голубые глаза, чтобы они закрылись — так Пиппа не увидит, как мать передает ее в хищные лапы врага.

— Прости, Пиппа, — плачет она. — Мне очень, очень жаль!

В дверном проеме возникает темная масса — эсовцы. Ухоженные руки выскальзывают из карманов ладно сидящего пальто и хватают ее малышку, как хищник добычу.

— Не делайте ей больно! — умоляет она.

— С какой это стати? — фыркает мужчина. — Она — образцовая дочь рейха.

Раздается каркающий смех, стук теплых ботинок — и они уезжают. Эстер валится на пол и рыдает. Боль невыносимая, но она все-таки выдерживает. Это было бы слишком милосердно. Вместо этого внутри ее медленно затягивается тугая, горькая решимость. Она не позволит им остаться безнаказанными. Не позволит им победить.

Все-таки *лучше*, чтобы ребенок жил. Надежда причиняет боль, но и придает силы. Найти свою девочку — вот теперь цель Эстер, ее задача, ее смысл жизни. Ради этого Эстер должна будет выжить в грязи, холоде и страхе Аушвица. Должна будет их преодолеть.

Часть первая

Глава первая

Сталинштадт,

Восточная Германия

Четверг, 18 мая 1961 года

ОЛИВИЯ

Оливию разбудил не стук в дверь и даже не мужской голос, негромкий, но приказной, и не торопливый ответ ее мамы. Отцовское раздражение — вот что прокралось в ее сон и подняло с постели. Ее отец был человеком мирным и дружелюбным, но сегодня он явно разозлился.

— Я пойду с ней, или она никуда не едет.

— Мужчинам нельзя, — последовал короткий ответ.

С колотящимся сердцем Оливия потянулась за халатиком, но потом передумала: в домашней одежде Штази не встречают. Она схватила со стула вещи, в которых ходила вчера. Увидь это мама, она бы разозлилась — мама была яркой поборницей порядка и чистоты, — но Оливия слишком устала, чтобы аккуратно разложить их по ящикам. Сейчас она, порадовавшись, быстро натянула голубую блузку и черную юбку Свободной германской молодежи, не озаботившись шерстяными гольфами и бело-голубым галстуком.

Спор внизу продолжался, но терпение незнакомца явно было на исходе, когда Оливия резким движением распахнула дверь. Ее родители стояли плечом к плечу в прихожей перед плотным мужчиной в теплом пальто, который возвышался на их пороге с таким видом, будто был тут хозяином.

— Штази — щит и меч нашей партии, — шепнула Оливия себе под нос. Так их учили в школе. — Тебе нечего бояться Министерства госбезопасности, если ты честный гражданин.

До сего момента Оливия в это верила, но при виде офицера, возникшего у них в прихожей в самый темный час ночи, почувствовала, как мурашки от страха побежали у нее по спине.

— Ваша жена будет в полной безопасности, уверяю вас, — сказал офицер, чуть помедлив; его заверениям в безопасности верилось с трудом.

Мать Оливии, Эстер, подняла глаза на мужа; ее наглаженная акушерская форма сияла белизной в свете луны, падавшем в окно, придавая ей сходство с привидением.

— Это обычные роды, Филипп. Просто еще одна мать.

— Она заключенная, майне либлинг, — возразил он. — И может что-нибудь тебе сделать.

— Именно поэтому мы держим ее под надзором, — рявкнул офицер Штази.

Он начинал сердиться, а *это* — Оливия знала — действительно представляло опасность.

— Я поеду. — Они все оглянулись, и Оливия, чувствуя себя чуть ли не голой, пожалела, что не

надела чулок. Она выступила вперед, бросив взгляд на двери комнаты младших братьев — боялась, не разбудила ли их. — Я поеду с мутти.

— Ты не обязана, детка, — ответила Эстер.

— Не обязана, но я поеду. Я хочу.

— Хорошо, — кивнул офицер. — Едем. Нельзя терять время. Когда я уезжал, она орала на все здание.

Эстер позволила себе мимолетную улыбку.

— Так оно и бывает.

Страх по-прежнему скручивал внутренности Оливии, но спокойствие матери помогло ей немного расслабиться. Она сунула ноги в школьные туфли. Мужчина покосился на ее форменную рубашку и, одобрительно хмыкнув, взял пальто, которое протягивал Филипп, и помог ей надеть.

— Спасибо.

— Будьте осторожны, — напутствовал их Филипп, целуя обеих.

Он по-прежнему выглядел настороженным, но Оливия почувствовала себя увереннее. Нельзя попасть в неприятности, помогая государству, а они делали именно это. Страх у нее сменился нарастающим возбуждением. Она и раньше помогала матери принимать роды, пару раз даже по ночам, но никогда с такой таинственностью. Скорей бы рассказать об этом подругам в школе!

Луна висела высоко в небе над Сталинштадтом, заливая серебристым светом новый, идеальный социалистический город. Симметричные ряды жилых корпусов казались в этом свете детскими кубиками, и дым от сталеплавильного комбината,